

Три дня спустя.

Некий прохвост наконец отбыл срок и вышел на свободу.

Стражник Лю провожал его взглядом, словно смотрел на чумного. В тюрьме же всё шло своим чередом: кто-то оставался отбывать наказание, кто-то выходил на волю.

Чэнь Юй попал за решётку из-за того, что украл и съел соседскую собачатину. Преступление было пустяковым, поэтому его выпустили довольно быстро.

Выйдя, он повёл Бай Ваня к единственной в городе прогулочной лодке, пришвартованной у берега, — Мяосинь.

Это была одна из самых знаменитых лодок в Даине, принадлежащая семейству Лин. Называть её лодкой было бы не совсем верно — скорее, это был плавучий дворец. Она круглый год курсировала между провинциями и была излюбленным местом местных талантов и поэтов, которые собирались там, чтобы слагать стихи, писать картины и наслаждаться чаем.

Бай Вань был сухопутной крысой и до смерти боялся воды, не вынося ни лодок, ни рек. Но он не смог противостоять напору Чэнь Юя и был буквально затащен на борт.

В таком роскошном месте, не будь рядом Чэнь Юя, он, будучи прохвостом, и носа бы не сунул. Здесь не только собралось множество утончённых литераторов, но и на стенах под пологам висели картины, написанные столь мощными и живыми мазками, что захватывало дух.

— Обалдеть... просто невероятно! — он не мог подобрать более подходящих слов.

— Чэнь Эр, я за всю свою жизнь не видел столько картин, а уж про кисти, тушь, бумагу и чернильные камни вообще молчу.

Бай Вань не переставал охать:

— Глянь, какая дорогая тушь на столе! А эти кисти, я видел, в лавке Байжисюань стоят целое состояние! И бумага... ну надо же...

Стоявший рядом Чэнь Юй заметил:

— Босс, прикрой рот, слюни текут!

Всё это были лишь мелочи.

Император Даина покровительствовал живописи, поэтому придворные художники использовали тушь из павильона Тяньдэ и лучшую бумагу сюань, которую специально доставляли из Хуэйчжоу.

Что уж говорить о легендарных трёх мудрецах даинской академии живописи — ради встречи с ними даже высокопоставленные чиновники готовы были приносить дары, а чтобы заказать у них картину, нужно было записываться за месяц.

Наблюдая за тем, как его босс ведёт себя словно деревенщина, впервые увидевшая мир, Чэнь Юй не мог сдержать улыбки, хотя в глубине души почувствовал даже некоторую жалость.

Однако, стоило им сделать несколько шагов вперёд, как путь им преградил бумажный веер.

— Вы откуда такие отбросы взялись? — в голосе звучало нескрываемое высокомерие.

Присмотревшись, они увидели мужчину с лоснящимся лицом, густо напудренным и нарумяненным.

Бай Вань расплылся в своей фирменной улыбке, обнажив ряд белых зубов:

— Уважаемый, вы это о чём?

Напудренный мужчина внимательно оглядел его:

— В Мяосинь допускаются только художники или литераторы. Ты в своих лохмотьях к какому сорту отребья относишься?

Ого!

Бай Вань тут же заискивающе заулыбался:

— Брат, нас сюда порекомендовал прийти сам уездный начальник Кун, чтобы мы на картины полюбовались. Если мы отребье, то кем тогда считать начальника Куна, который нас сюда направил?!

Кхм!

Мужчина запнулся. Хотя он и обладал учёной степенью, реальной власти у него не было, поэтому критиковать уездного начальника он не осмелился.

— Хорошо. Раз уж вы пришли смотреть картины, мы как раз обсуждаем одну работу под

названием Танец в балке. Может, попробуете разгадать её тайну?

Сказав это, он указал веером на полотно, окружённое толпой.

— Босс, ты же рисовать не умеешь. Давай лучше уйдём? — Чэнь Юй потянул Бай Ваня за рукав.

Уровень его босса в живописи ограничивался разве что книжкой Восемь красавиц и я. О композиции и технике он и понятия не имел, так что выдать что-то осмысленное было бы чудом.

— Не выйдет, нельзя нарушать правила! — напудренный мужчина не унимался. — Или ты думаешь, что раз тебя порекомендовал начальник Кун, то ты здесь важная птица?

Как только он это произнёс, другие литераторы и художники бросили на них косые взгляды. Множество глаз впилося в Бай Ваня.

Чэнь Юй стоял в замешательстве, не зная, как оправдаться. История про начальника Куна была выдумкой босса, и любые объяснения лишь делали ситуацию хуже.

Бай Вань почувствовал, как по спине пробежал холодный пот под обжигающими взглядами окружающих.

Эти люди смотрели на него так остро, словно собирались растерзать.

— Признаю, я человек простой, — он виновато улыбнулся. — Начальник Кун просто пожалел меня и позволил войти. Я пришёл лишь мир посмотреть, не будьте же вы такими мелочными, господа!

Взгляды стали чуть менее враждебными, но пренебрежение никуда не делось.

Бай Вань оказался в безвыходном положении. В голове — ни капли знаний, но выбора не было, пришлось подойти к картине.

Ничего особенного на ней не было: изображён вор, лежащий на балке, верёвка от его шляпы свисает вниз. Хозяин дома заметил его и с яростью смотрит на балку, держа в руках огромный тесак.

Забавно было то, что ловящие вора люди были нарисованы с ужасающими, свирепыми лицами, в то время как сам вор выглядел глуповато и даже как-то жалко.

Рядом была надпись из двух иероглифов — Балка и Сон, выполненная мощным и энергичным почерком.

— Чэнь Эр, что там написано? — тихо спросил Бай Вань.

Напудренный мужчина слышал этот вопрос и насмешливо кашлянул:

— Балка и сон!

Бай Вань нахмурился:

— Разве картина не называется Танец в балке? Четыре иероглифа и два — это ведь разные вещи?

— В этом-то и заключается загадка картины, — промолвил стоявший рядом человек. — Когда она только появилась, все считали её просто зарисовкой поимки вора. Но автор назвал её Танец в балке. Люди годами ломают голову, но так и не нашли ничего, что указывало бы на танец. Поэтому она и оказалась здесь, в Мяосинь, чтобы каждый мог поломать над ней голову.

Хлоп-хлоп!

Напудренный мужчина захлопал в ладоши:

— Господин Линь прав. Эту загадку не могут разгадать много лет. Не хочешь ли ты, наш гость, попробовать?

Бай Вань усмехнулся:

— А какие у вас есть идеи?

Один из литераторов в фиолетовом халате сказал:

— Верёвка от шляпы вора свисает вниз, тени от неё и лунный свет на окне переплетаются. Словно лунный свет и верёвка танцуют друг с другом...

— Ошибаешься, это натянуто! — перебил его другой художник.

— По-моему, вор просто спит, а танец — это выдумка автора, чтобы напустить туману!

— Невозможно, это лишь показывает твою ограниченность. Может, в имени хозяина дома есть

иероглиф танец...

Вскоре литераторы начали спорить, перебивая друг друга.

К счастью, у прохвоста была толстая кожа. Он обнажил свои белые зубы и сказал:

— Я обычный бродяга, куда мне до вас, великих мастеров. Раз уж вы не можете разобраться, то я и подавно.

Сказав это, он собрался улизнуть.

Но это лишь разозлило напудренного мужчину ещё сильнее. Остальные начали перешёптываться, глядя на Бай Ваня с сомнением. Неужели начальник Кун и правда пустил сюда дурака?

— Хм! Хочешь сбежать? — мужчина крепко схватил Бай Ваня за левую руку, послышался хруст. — Если ты даже не способен оценить картину, какой ты после этого художник?

— Чушь! Вы все тут великие художники, а тоже ничего не поняли! — вскрикнул от боли Бай Вань.

Больно же!

Откуда у этого мазила такая силища?!

Мужчина фыркнул:

— Танец в балке — это шедевр, который автор написал перед тем, как навсегда отложить кисть. Ты думаешь, это какая-то мазня? Мы ломаем над ней голову уже пять лет! Мяосинь установила правило: тот, кто разгадает тайну, получит тридцать лянов серебра.

Сколько?!!

Бай Вань в шоке уставился на мужчину, а затем снова перевёл взгляд на свиток.

В переплетении туши и теней от деревьев ему вдруг почудился блеск золотого листа.

— Хорошо, я обязательно разгадаю эту картину!

Его голос прозвучал твёрдо и решительно.

Чэнь Юй, глядя на него, не выдержал:

— Босс, ты серьёзно? Ты хоть понимаешь, какой у тебя уровень?

<http://bllate.org/book/18817/1830908>